

ОТЗЫВ

О ДИССЕРТАЦИИ А.А.БЕЛОГО «ФИЛОСОФСКО-ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПУШКИНСКОГО «ИСТИННОГО РОМАНТИЗМА», ПРЕДСТАВЛЕННОЙ НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ ДОКТОРА ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК.

Тема и проблематика настоящей диссертации весьма актуальны. Как известно, длительное время творчество Пушкина рассматривалось под знаком движения от романтизма к реализму, представляющему высшую форму эстетического сознания. Упрощенность этой концепции уже была отмечена в науке (в частности, в работах Н.Гуляева, И.Карташовой и А. Гуревича), тем не менее предстоит еще исследовать конкретное соотношение пушкинского стиля (стиля - в широком смысле этого слова) с романтизмом и другими художественными системами – в частности с классицизмом и системой, возникшей на почве идеологии Просвещения. Диссертация А.Белого содействует решению этой задачи.

Продуктивна главная установка автора – найти и описать в пушкинском творчестве второй половины 1820-х – 1830-х годов, прежде всего в «Борисе Годунове», «Евгении Онегине», «маленьких трагедиях» и прозе, элементы романтической поэтики и их «вкрапление» и взаимодействие с новыми стилистическими формами. В связи с этим подчеркнута оправданность пушкинского, говоря современным языком, позиционирования себя как романтика: «Борис Годунов» - плод «истинного романтизма». «Будучи новым, он должен отличаться как от байроновского варианта русского романтизма», так и форм романтизма, представленных Жуковским, Бестужевым-Марлинским и др.

В порядке не критического замечания, а маленького дополнения я бы упомянул еще один значащий фактор пушкинского самоопределения – ориентацию на современные трехфазные концепции развития искусства, (здесь, в частности, преломлялась гегелевская триада). Согласно этой концепции, законное и естественное место классической формы - античность, романтической – Западная Европа, прежде всего в период

Средних веков, новое же время – господство нового искусства, синтезирующего прежние две формы (точного терминологического определения этой формы не было, впоследствии же именно она получила наименование «реализма»). Поэтому романтизм начала XIX – это – нередко «так называемый романтизм» или даже «лжеромантизм» (как у Надеждина). Пушкинское же определение «истинный» призвано подчеркнуть законность и естественность романтических элементов в новое время.

Автором диссертации проделана огромная работа по выявлению типологических и контактных (то есть, обусловленных непосредственным влиянием) связей творчества Пушкина с немецкой классической философией. Много в этой области уже сделано (например В. Асмусом или применительно к Канту в недавних работах А.Круглова), но автору диссертации удалось высказать свои оригинальные взгляды. Так же как и в освещении темы – Пушкин и западно-европейские течения романтизма и литературы Просвещения (Руссо, Шатобриан, Байрон и др.) В некоторых же случаях исследователь не без основания оспаривает наличие таких (контактных) связей. Такова его критика утверждений Б.Пастернака о знакомстве и даже интересе Пушкина к творчеству Клейста (с. 189-190).

В диссертации немало тонких наблюдений, содержательных и интересных разборов. Уточнена параллель между положениями, содержащимися в «Гении христианства» Шатобриана (в частности, о «смутности страстей» современного человека), и характером Онегина. Эта параллель оттеняет сложное, менявшееся отношение Пушкина к христианству, не сводимое к однозначной формуле (см. с. 184-185).

Еще одно место, казалось бы частность: Онегину видится «сельский дом – и у окна //Сидит она ... и все она!». «Картина представляет собою портрет женщины в раме. Эту ассоциацию следует удержать в уме» (с. 184). Действительно, эта подробность ведет нас к семиотическому значению окна, столь важному в поэтике романтизма.

Справедливы и замечания автора, относящиеся в взаимодействие стилей, и следующий отсюда вывод: «Возможно, представление о

европейском романтизме тоже нуждается в уточнении под углом зрения «романтического классицизма» (Автореферат, с. 48).

Словом настоящая диссертация, по моему мнению, заслуживает положительной оценки. Вместе с тем у меня есть критические замечания.

Вначале одно общее замечание. Особенность рецензируемой работы такова, что, соглашаясь, с автором, в то же время чувствуешь потребность ему возразить. Поэтому в нарушение принятой схемы отзыва оппонента (вначале – достоинство, потом недостатки, вначале «плюсы», в завершении «минусы») мне придется говорить о спорном, недостаточно последовательном развитии правильных положений.

Например, автор выступает против «сравнительной методологии», ориентированной на «варьируемые, повторяющиеся элементы текста и не задается вопросом об уникальности произведения...Сравнительные данные могут быть полезны в смысле знаний о «строительном материале» пушкинской лаборатории, но ничего не могут сказать о задаче, к которой они были привлечены...». Совершенно верно: механическое собрание фактов не раскроет уникальность произведения, но в том то дело, что необходимо показать особенность применения этого «строительного материала», создающую уникальность произведения.

Далее автор демонстрирует, какой должен быть правильный путь: «Особенность «Пиковой дамы» состоит в том что эта повесть с одним героем.», что «место обморока / в сравнении с «Гробовщиком»/ занимает состояние ужаса от сходства карточной «пиковой дамы» с лицом старухи...» (с. 211). Но «одногогеройность», описание реального состояния – это элементы поэтики, то есть тот же «строительный материал».

Еще один пример. «Уже было отмечено, что Самозванец / в «Борисе Годунове»/ возникает на сцене и и исчезает с нее (так в тексте диссертации/ спящим <...> Таким образом, этот герой принадлежит бестелесной субстанции сна, миража, в той же степени, что и телесной реальности. Поэтому < ...> он уже имеет в себе все: и царскую корону, и знакомство с латинской музой, развитость манер и речи, которую не мог так быстро приобрести беглый инок» (с. 59). «Стихия сна» действительно очень важна в

драме, но невольно вытекающее отсюда заключение, что все перечисленные свойства Лжедмитрий приобрел во сне, некорректно. Например, знание лытыни он мог приобрести еще будучи монахом. В том то и дело, что Пушкин дает простор для нашего воображения, не сводит все к одной версии (характерно в этой связи то что из текста произведения были исключены две сцены «Ограда монастыря. Григорий и злой чернец» и «Замок воеводы Мнишка в Самборе» - сцены, определенно раскрывающие мотивы поведения соответственно Григория и Марины Мнишек).

Подобных примеров из диссертации можно привести много. Это типичный для автора исследования ход: верно сформулировав проблему, он затем развивает ее несколько категорично и однозначно, то есть в отрыве от текста..

Словом, отдавая должное содержательности и оригинальности размышлений исследователя, необходимо отметить, что порою они недостаточно диалектичны.

В целом же, как уже уже сказал, моя оценка диссертации положительная.

Автореферат и опубликованные работы обстоятельно и полно отражают содержание диссертации. Следует отметить, что среди этих работ значительная часть (девять) – публикации в изданиях, рекомендованных ВАКом.

Автор диссертации Александр Андреевич Белый достоин присуждения степени доктора филологических наук по специальности 10.01.08, – теория литературы, текстология и 10.01.01 – русская литература
Ю.МАНН

Ю.МАНН, доктор филологических наук, заслуженный профессор РГГУ.

16 ноября 2013 г.

